

Е. М. Шентухина, Н. И. Тихонова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕЛОВЫЕ ПИСЬМА
СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме квалифицирования документов разных жанров, которая возникает в процессе создания лингвистических корпусов малодоступных исторических актовых источников, хранящихся в региональных архивах. Материалом для работы избран фонд Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (фонд 332, опись 1). С целью описания жанровых параметров документа для его автоматического распознавания произведена параметризация деловых писем, датированных 1753 г. Установлено, что в системе делопроизводства, существовавшей в канцеляриях Войска Донского, деловые письма представляют собой распорядительные документы, обеспечивающие ведение следствия. Выявлены речевые средства выражения параметров жанра, сопряженных с коммуникативной ситуацией и формуляром документа: название, адресант, адресат, функция, структура, характер передаваемой информации, пространственно-временная локализация документа. Утверждается, что деловые письма являются отдельным видом документа, однотипность их структуры и незначительная вариативность в реализации жанровых параметров позволяют автоматически определять жанр при отсутствии самоназвания документа.

23

The relevance of the study is determined by the need to create linguistic corpora of historical sources – the acts and other documents of limited accessibility, which are kept in regional archives. The material for the work was the Mikhailovsky village ataman fund of the State Archive of the Volgograd Region (SAVR, fund 332, inventory 1, files 1 – 158, 1734 – 1837). In order to determine the speech markers of the document genre for its automatic recognition in the corpus, the business letters of the mid-18th century were parametrized. The study has confirmed that the Don Troops office documents contained information on investigative matters. The speech markers are determined by the communicative situation and the document form. They include a sender's name, addressee, function, structure, the type of transmitted information, spatio-temporal localization of the document. Business letters are claimed to be a particular document type. The uniformity of their structure and insignificant variability in genre parameters realization enable automatic genre identification even if the document title is missing.

Ключевые слова: история русского языка, региональная деловая письменность, документ, жанр, параметры жанра, деловое письмо.

Keywords: history of the Russian language, regional business writing, document, genre, genre parameters, business letter.

Введение

Исследование, результаты которого представлены в статье, выполнено в русле комплексного проекта, осуществляемого русистами Волгоградского государственного университета с целью создания лингвистического корпуса скорописных документов XVIII–XIX вв., хранящихся в фонде Михайловского станичного атамана (Государственный архив Волгоградской области, фонд 332, опись 1, дела 1–158, 1734–1837 гг.). Для этого проводится метаразметка документов, позволяющая автоматически определять их жанр (вид). Методологически значимыми в этом аспекте являются публикации членов исследовательского коллектива, устанавливающие параметры, на основании которых возможно квалифицировать жанр документа. Это название документа, субъекты коммуникации (адресант и адресат), функции, характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация [4; 6]. При этом отмечается, что «параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста равноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое» [4, с. 184]. В соответствии с перечисленными параметрами охарактеризованы документы середины и второй половины XVIII в., которые активно функционировали на территории Войска Донского в этот период и, следовательно, широко представлены в фонде Михайловского станичного атамана: войсковые грамоты [4; 5; 16], доношения [3; 10], пашпорты [6], рапорты [3; 5], предложения [9]. Документы других видов единичны, однако их описание в соответствии с общими критериями жанровой параметризации необходимо, поскольку оно обеспечит целостность создаваемого корпуса и возможность автоматической квалификации источников конца XVIII – первой половины XIX в. Работа по описанию таких документов уже начата, в аспекте жанровых параметров охарактеризованы сказки [15], известия и сообщения [7].

Цель данного исследования – описание жанровых параметров деловых писем. В материалах фонда документы этого вида появляются в архивных делах, датированных 1753 г.: четыре письма – в деле 8, три письма – в деле 9. Именно эти источники и рассматриваются в работе.

Результаты и обсуждение

Параметр «название» значим для определения жанра (вида) документа. Из анализируемых писем два имеют включенное в текст документа самоназвание *письмо* в сочетании с указательным местоимением *сие* (письмо о розыске краденного 29 мая 1753 г. и письмо о наряде казаков в караул на ярмарку 30 июня 1753 г.). В остальных письмах само-

название отсутствует. Для их определения используется только указательное местоимение среднего рода *сие*, например: *получа сие* (д. 8, л. 41)¹; *с получения сего* (д. 9, л. 1 об.). Отметим, что в исторических словарях слово «письмо» фиксируется в широком значении: «письменный текст различного характера и назначения» [11], «что-л. написанное, написанный текст» [12]. Однако в документах фонда это существительное используется для называния документов, требующих от адресата выполнения определенных действий, обеспечивающих ведение следственных дел. По-видимому, в системе делопроизводства канцелярий Войска название *письмо* закреплено за документами определенной тематической отнесенности.

Параметр «адресант». Анализируемые письма написаны от первого лица, о чем свидетельствуют употребленные в них личные местоимения: *Луковской станицы казаки Василей Евтеевъ, Семень Малитвинъ, Миронъ Захаровъ, о знании и о родине живущего в Провоторовской станицы выростка [Андрея] Прокофьева мною допрашиваны [и между] прочимъ показали* (д. 8, л. 49); *имъете выслать... в Кочалинскую станицу или где... я буду обретатца* (д. 9, л. 2); *велено мне... обще з г(оспод)иномъ Растовьскаго драгунскаго полку полковником Толстовым производит следствие х которому я на сих днях із Ъловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7—7 об.); *к намъ в Кумылженскую станицу* (д. 8, л. 35).

Как правило, адресантом является отдельное конкретное лицо. В шести из семи писем это старшина, в его ведении находились отдельные отрасли управления. Указание на адресанта содержится в конце документа и осуществляется посредством антропонимов в сочетании с существительными, обозначающими статус в войсковой иерархии, например: *Базарные старшина Василъи Пушкарев и казакъ Семень Сулинъ* (д. 8, л. 41); *старшина Андреи Юдинъ* (д. 8, л. 49); *старшина Петръ Лацилинъ* (д. 9, л. 2). Особо следует сказать о письме о розыске краденного, в котором представлен коллективный адресант — все казаки станицы. Указание на него также содержится в конце письма и отражает войсковую иерархию: *Кумылженской станицы станициноу наказаной атаманъ Аврам Шылинъ старики і казаки* (д. 8, л. 35 об.).

Во всех письмах 1753 г. при указании на адресанта использовано этикетное выражение, подчеркивающее почтение к адресату: *вашемъ почтенством всегдашний слуга* (д. 8, л. 35 об.); *вам доброжелательный слуга* (д. 8, л. 49 об.); *доброжелательны слуга Воиска Донскаго* (д. 9, л. 24); *вам доброжелательный слуга* (д. 8, л. 49 об.).

¹ Здесь и далее примеры приводятся по источнику [8] с указанием в круглых скобках номера дела и листа. При цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, союзы и предлоги пишутся отдельно с последующими словоформами, в остальных случаях сохраняется орфография и пунктуация скорописных оригиналов. Реконструируемые фрагменты текста заключены в квадратные скобки.

Параметр «адресат». Адресат деловых писем коллективный, это все казаки какой-либо станицы. Указание на адресата осуществляется во всех письмах посредством речевой формулы, содержащей этикетное выражение со значением почтения (*почтеннымъ господамъ*), типичное для документов Войска сочетание существительных со значением социального статуса (*станицному атаману и казакамъ*) и локализаторы — названия конкретных станиц или также типичное для документов Войска указание на несколько станиц посредством названия реки и станиц, расположенных по ней, например: *Почтенный Господинъ Михайловской станицы станицной атаман и казаки* (д. 8, л. 49); *Почтенный г(осподи)нъ реки Медведицы Бѣресовской станицы станицн[ои] атаман и козаки* (д. 9, л. 1); *Почтенные г(оспо)да Качалинской Трехъ островянской станицъ станицные атаманы і козаки* (д. 9, л. 7—7 об.); *Почтеннымъ господам по Хопру от Ку[мыл]женской до Михайловской стан[ицы] станицномъ атаманомъ и казак...* (д. 8, л. 35).

Отношения между участниками делового общения во многом определяют его цель и выбор жанра документа. Наш материал показывает, что в Войске посредством писем осуществлялось взаимодействие между равностатусными коммуникантами (адресант и адресат письма о поиске краденного — это все казаки двух станиц) или всеми казаками какой-либо станицы и должностным лицом, имеющим полномочия для ведения следствия и, таким образом, более высокий статус.

Параметр «функция» связан с назначением документа и детерминирован его содержанием. Анализируемые деловые письма выполняют информационную и регулятивную функции. Реализация информационной функции определяется содержанием документа: тематика исследуемых деловых писем различна. В них сообщаются разнообразные сведения, большая часть которых относится к следственным делам, например информация о поиске краденного, о представлении счетов, о проведении следствия о принадлежности к казакам, о присылке казака по следственному делу и др. Регулятивную функцию исследуемые документы реализуют в силу того, что они нацелены на выражение волеизъявления адресанта. Этот параметр тесно связан с параметрами «модальность» и «характер передаваемой информации».

Параметр «модальность». Вслед за С. С. Ваулиной и И. Ю. Куксой под языковой модальностью мы понимаем семантическую категорию, в которой различаются пропозициональная и прагматическая модальность: «...составляющими пропозициональной модальности являются объективная модальность, включающая значения реальности / ирреальности (она образует ядро функционально-семантической категории модальности), и модальность ситуативная (в иной терминологии, внутрисинтаксическая, предметная), включающая значения действительности, возможности, необходимости, желательности (она выступает в качестве микрополей, формирующих периферию рассматриваемой функционально-семантической категории). В числе основных содержательных компонентов коммуникативной (прагматической) модальности находятся субъективная модальность, вопрос, побуждение» [1, с. 29].

Реализация категории модальности в документах связана с выполняемыми ими функциями [4; 17]. С регулятивной функцией сопряжены модальные значения волеизъявления и необходимости.

Модальное значение волеизъявления выражается лексически глаголами *велеть*, *приказать*, *просить*. Грамматические средства выражения волеизъявления — форма канонического перформатива *просимъ* и форма повелительного наклонения *прикажете*. Предписываемые действия обозначаются зависимым инфинитивом, конструкцией «чтобы + инфинитив», например: *велено... производит следствие* (д. 9, л. 7—7 об.); *накорно просимъ, чтобъ к намъ... писменное известие... прислать* (д. 8, л. 35 об.). Как правило, субъектом волеизъявления выступает адресант письма. Однако в некоторых письмах есть фрагменты, в которых субъектом волеизъявления является вышестоящее лицо или орган управления, например: *по силе присланной ко мне от Воиска Донскаго войсковой грамоты... велено мне... быть депутатом* (д. 9, л. 24). Указание на субъект волеизъявления осуществляется с помощью отсылки к органам управления (Воиско Донское) и к документам (*по силе войсковой грамоты*). Субъектом волеизъявления может быть также и адресат письма: *сверх же того имеющих в станицах ваших находных лошадей прикажете содержать в добром смотрении и по возвращении нашем из Михаилова явит неотменно* (д. 8, л. 41 об.) — в таком случае волеизъявление представляет собой действие, которое предписывается адресату.

Модальное значение необходимости выражается в письмах разными средствами. Регулярным из них является модальное слово *потребно*, имеющее значение долженствования, необходимости: *Потребно... под меня и обретающихся при мне несколько в подводы лошадей* (д. 9, л. 7 об.). Это модальное слово может сочетаться с зависимым инфинитивом: *потребно... из станицъ ваших против прежних обыкновеней наредит казакъ* (д. 8, л. 41). Кроме того, значение необходимости выражается в конструкциях с независимым инфинитивом: *на пищу мне со обретающимся при мне со оными подводчиками прислать с каждой станицы по два хлеба и отчасти пероговъ* (д. 9, л. 7 об.); *отсылат сие письмо денно и ноцно с поспешением* (д. 8, л. 42).

С информативной функцией писем сопряжено значение реальности действия (объективная модальность), которое выражается прежде всего предложениями со спрягаемыми формами глагола прошедшего, настоящего и будущего времени, например: *казаки Василеи Евтеевъ, Семень Малитвинъ, Миронъ Захаровъ, о знании и о родине живущего в Провоторовской станицы выростка [Андрея] Прокофьева мною допрашиваны [и между] прочимъ показали* (д. 8, л. 49); *накорно просимъ, чтобъ к намъ... писменное известие... прислать* (д. 8, л. 35 об.); *следствие х которому я на сих днях из Ыловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7 об.).

Помимо этого, для описания событий в прошлом использованы формы страдательных причастий прошедшего времени, например: *у онаго чеботоря покрадено трое сапогъ... замок сломонъ и унесена винтовка да три пилы* (д. 8, л. 35). Указанные формы выражают перфектное значение. Действия, совершенные в прошлом, актуальны для настоящего, поскольку они послужили поводом для написания писем, содержащих предписание адресату.

Реальность действия в будущем передается предложениями со спрягаемыми формами будущего времени: *я на сих днях из Бловлинской станицы и отеду* (д. 9, л. 7 об.), спрягаемыми формами будущего времени в сочетании с инфинитивом: *за что вам с охотою за трут **уплатит** **подищимся*** (д. 8, л. 35 об.), с краткими страдательными причастиями прошедшего времени со вспомогательным глаголом *быть* в форме будущего времени: *поиманъ **будеть*** (д. 8, л. 35 об.). Относя формы будущего времени к средствам выражения объективной модальности, мы опираемся на мнение А. В. Бондарко, который считал, что в семантике будущего времени реальность представлена в «широком смысле, поскольку для того, чтобы ситуация стала реальностью, необходимо проявление намерения совершить данное действие, а следовательно, возможно осложнение “футуральной фактичности” различными элементами потенциальности и степени вероятности» [13, с. 73]. Особенно ярко это проявляется при употреблении форм будущего времени в условных придаточных предложениях. Например: *ежели где **явитца** и кемъ в которой станицы **поиманъ **будеть****, о томъ вас... **пакорно просимъ** чтобъ к намъ в Кумылженскую станицу писменное известие чрезъ станицы обь вышеписанной покражи в непродолжительномъ времени прислать* (д. 8, л. 35 об.). В приведенном примере значение объективной модальности сочетается со значением волеизъявления, поскольку в главной части сложного предложения называются действия, которые необходимо предпринять в случае возникновения ситуации, описанной в придаточном предложении.

Параметр «структура». Анализируемые письма характеризуются однотипной структурой. В исследованиях, посвященных документам XVIII в. разных видов, установлено, что деловые письма, как правило, имеют три части [2–4; 6; 15]. Анализируемые письма тоже трехчастны. Начальная часть содержит указание на адресата. Основная часть состоит из двух блоков: первый, мотивировочный, содержит описание положения дел (ситуации), второй, констатирующий, — собственно просьбу или распоряжение. Мотивировочная часть вводится оборотом *сего числа* и/или отсылкой к документу, послужившему основанием для распоряжения, например: *сего мая 28(го) дня в ноци в нашей станицы у вдавой женки калмычки...* (д. 8, л. 35); *сего июля 19 дня по силъ присланной ко мне от его... Воиска Донскаго воисковаго наказнаго атамана Стевана Даниловича воисковой грамоты и при оной приложенной с присланной к воиску донскому из гдрьст[...]нной военной каллегии ЕЯ I(МПЕРАТОРСКОГО) В(ЕЛИЧЕСТВА) высочайшей грамоты копии...* (д. 9, л. 1). Распорядительная часть открывается перформативом *просим* (и далее следует содержание просьбы) или речевыми оборотами *того ради*. Заключительная часть содержит указания на адресанта, дату создания документа. Перечисленные элементы структуры обязательны, порядок их расположения не варьируется. Отметим, что анализируемые письма отражают формирование формуляра (набора реквизитов документа), поскольку некоторые элементы документа графически выделены из текста и стабильно воспроизводятся в одной и той же части листа: дата создания документа указана после основного текста слева, адресант — справа.

Кроме обязательных элементов, в структуре письма могут быть представлены факультативные. В некоторых письмах встречается указание на место создания документа, этот элемент формуляра, как правило, выделен из текста и расположен после него слева под указанием даты создания документа: *Кумылженская* (д. 8, л. 35 об.), *Ильинская станица* (д. 9, л. 2). В письме о наряде казаков в караул на ярмарку в начальной части расположено приветствие: *Почтенные г(оспо)да от Букановскои до Михайловскои станицъ станицные атаманы: старики и молодцы многолетно здравствуйте* (д. 8, л. 41). В этом же письме представлен и необязательный структурный элемент постскриптум. Он содержит дополнительную информацию, которую адресант счел необходимым выделить. Постскриптум располагается после основного текста и маркирован сокращением «РЗ». Например, в «Письме о наряде казаков в караул на ярмарку» после заключения читаем: *РЗ в скоромъ поспешении РЗ сверх же того имеющих в станицах вашихъ находных лошадеи прикажите содержать в добром смотрении и по возвращении нашем из Михайлова явит неотменно опасаясь за утаику, или чье доказательства неизбежимаго штрафа* (д. 8, л. 41 – 41 об.).

Параметр «характер передаваемой информации» сопряжен с параметром «функция». В соответствии с информативной функцией письмо передает фактуальную информацию. Прежде всего это сведения по делу – подробное изложение ситуации.

Фактуальная информация актуализируется посредством вербально-цифрового обозначения даты и места создания документа: *(июля 25 дня 1753г(о) году; сентября 12(го) дня 1753(го) году река Иловла)*, официального именования людей (*Еермей Степанов, Арефий Федоров, Аверьян Сербин* и др.), использования гидронимов и ойконимов (названия станиц, рек), наименований видов документов (*воисковая грамота, указ ЕЯ I(МПЕРАТОРСКОГО) В(ЕЛИЧЕСТВА), репорт, известие, промемория*); указания на социальный статус (*станицный атаман, полковник, казак, старики, старшина, управитель, кузнец, чеботарь*) и родство (*отец, сын, племянник*).

Информация фактуального характера формирует содержание анализируемых документов. Однако кроме нее в письмах передается и социокультурная информация, которую, по мнению М.В. Косовой, «можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фактуальной информации. Передача такой информации не является целью документа, но содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском» [6, с. 11 – 12]. Социокультурный характер имеет информация о войсковой иерархии и коллективном управлении войском, об организации ведения следствия, о хозяйственной деятельности (организация ярмарки), бытовом укладе, специфике вооружения казаков и т. д.

Параметр «пространственно-временная локализация». В изучаемых исторических документах пространственная локализация пред-

ставлена реальным пространством, соотносимым с реальной действительностью, и социальным пространством, которое соотносится со структурой общества (подробно средства реализации пространственной локализации, отраженной в деловых письмах, охарактеризованы в [14]). Реальное пространство, окружающее коммуникантов, выражается различными языковыми средствами: топонимами (часто они употребляются с апеллятивами: *река Хопер, речка Иловля, станица Букановская* и т. д.); нарицательными существительными, обозначающими пространственные объекты, наименованиями казачьих поселений (*станлица, хуторь*), зданий (*домь*), места осуществления определенного действия, например торговли (*ярмарка*); прилагательными, образованными от наименований рек, населенных пунктов, выражающими отношение предметов и людей к определенной местности или административному учреждению (например, *хоперский, донской, астраханский, станичный*); наречиями и местоимениями со значением места (например, *сюда, обратно, где, здешний*); глаголами местоположения (*обретаться, находится*) и глаголами перемещения в пространстве (*переходить, отъехать, отправитъ, выслать, прислать, явиться* и др.), а также отглагольными существительными, которые сохраняют семантику перемещения (*возвращение, отсылка, переезд* и др.). Репрезентация пространственных отношений в деловых письмах происходит в рамках предложно-падежных конструкций с семантикой места (*в* + предл. п.), исходного (*из, от* + род. п.) и конечного пунктов движения (*до* + род. п., *к* + дат. п.): *в доме ея котораи жителство имеют* (д. 8, л. 41); *от Ку[мыл]женскои до Михаиловскои стан[ицы]*, *из станицъ ваших против прежних обыкновеи наредит казаковъ* (д. 8, л. 41); *прислано' къ Воиску Донскому из государственной военной коллегии грамоты* (д. 9, л. 7).

Социальное пространство отражает место определенных субъектов в обществе и характер их отношений — прежде всего это иерархия в структуре Войска Донского. Социальное пространство представлено названиями различных учреждений, имеющих определенное местоположение (*Астраханская рыбная контора, государственная военная коллегия*), наименованиями военных подразделений, которые имеют точное местоположение (*Ростовский драгунский полкъ*), и укреплений, предназначенных для обороны (*Хоперская крепость, Царицынская линия*). В текстах документов присутствуют наименования пространства, в котором осуществляется профессиональная деятельность субъектов (*кузня, тульская оружейная слобода*).

Выявляя временную локализацию документов, мы опираемся на предложенное А. В. Бондарко определение синтаксического времени как семантической категории, которая отражает понимание и осмысление человеком времени обозначенных ситуаций и их составных частей по отношению к моменту речи говорящего или другой точке отсчета [13, с. 5]. В анализируемых письмах представлен ситуативно актуализированный тип речи, который, по словам А. В. Бондарко, отличается непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи [13, с. 5]. Моментом речи для письма является время его создания.

Средствами актуализации временного дейксиса выступают различные лексические конкретизаторы, обозначающие время (точно, определено, либо неточно, неопределенно). В деловых письмах представлены определенно-фиксированная временная ориентация (например, *назад де тому летъ з двадцать, тотчас, того ж часу*) и неопределенно-фиксированная временная ориентация (*на сих днях, давно, прошлыхъ летъ, в непродолжительномъ времени*).

В письмах используются единицы, обозначающие даты написания и получения писем, отрезки времени для исполнения поручений, намеченные даты осуществления какого-либо действия. Эти обозначения выражают как точные временные координаты событий и действий (год, месяц, число), так и относительные, указывающие на события, известные субъектам коммуникации (*летъ з дватцать по смерти ево*), или на соотношение времени с основной датой письма (*тотчас, с получении сего*).

На морфологическом уровне временная локализация осуществляется посредством глагольных форм времени, выражающих действия, которые происходили, происходят или будут происходить (формы прошедшего, настоящего или будущего времени охарактеризованы нами при описании параметра «модальность»).

Заключение

Реализация рассмотренных параметров в их взаимодействии и особенности речевого выражения позволяют охарактеризовать деловое письмо как жанр (вид) документа. Оно выполняет регулятивную и информативную функции, имеет действие в границах Области Войска Донского. Деловые письма обеспечивают ведение следственных дел, исходят, как правило, от уполномоченного на ведение следствия должностного лица, направляются коллективному адресату и характеризуются как нейтральным (в мотивировочной части), так и императивным (в распорядительной части) тоном. Они отражают реалии жизни казачьего сословия на данной территории в данный исторический период.

Результаты, полученные на материале источников, датированных 1753 г., могут быть уточнены в ходе анализа документов фонда второй половины XVIII – начала XIX в., однако в создаваемом лингвистическом корпусе деловые письма могут быть представлены как отдельный вид документа, а однотипность их структуры и незначительная вариативность в реализации жанровых параметров дают возможность автоматически определять жанр при отсутствии самоназвания документа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII – XIX вв. канцелярий Войска Донского».

Список источников и литературы

1. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25–34.
2. Выхристюк М. С. К вопросу о выработке формуляра делового текста г. Тобольска второй половины XVIII века // Вестник Челябинского университета. 2008. №16. С. 34–39.
3. Горбань О. А. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, №4. С. 45–59. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
4. Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда Михайловский станичный атаман) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, №4 (157). С. 182–199. doi: [10.15826/izv2.2016.18.4.074](https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.4.074).
5. Косова М. В. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск, 2016. С. 123–134.
6. Косова М. В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2019. Т. 18, №2. С. 6–15. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
7. Косова М. В. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. №1. С. 48–55.
8. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1 (Михайловский станичный атаман).
9. Сафонова И. А. Композиционно-речевые особенности предложений канцелярии Области Войска Донского (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сб. ст. по матер. междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 1–3 декабря 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 274–280.
10. Сафонова И. А. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры. Тула, 2017. С. 48–52.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989.
12. Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 14.03.2020).
13. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
14. Тихонова Н. И. Реализация жанрового параметра «локальность» в региональных деловых письмах середины XVIII в. // Молодой ученый. 2019. №18. С. 71–74. URL: <https://moluch.ru/archive/256/58703/> (дата обращения: 25.05.2020).
15. Шептухина Е. М. Жанровые параметры сказки как документа середины XVIII века в аспекте создания лингвистического корпуса // Научный диалог. 2019. №11. С. 114–129. doi: [10.24224/2227-1295-2019-11-114-129](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-114-129).

16. Шептухина Е.М. Сфера субъекта региональных документов XVIII века: динамический аспект // Научный диалог. 2017. №1. С. 46–59.

17. Шептухина Е.М., Горбань О.А. Войсковые грамоты середины XVIII в. в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. Т. 14, №5. С. 7–18.

Об авторах

Елена Михайловна Шептухина – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: em_sheptuhina@volsu.ru; iryas@volsu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Наталья Ивановна Тихонова – магистрант, Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: ni.tihonowa@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3972-5378>

The authors

Prof. Elena M. Sheptukhina, Volgograd State University, Russia.

E-mail: em_sheptuhina@volsu.ru; iryas@volsu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Nataliya I. Tikhonova, Master's Student, Volgograd State University, Russia.

E-mail: ni.tihonowa@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3972-5378>